

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть II

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

11. Рауан – курдское название г.Еревана.
12. Торын – человек благородного происхождения, дворянин, князь, местная знать.
13. См. сн. № 8.
14. Арсенал (Арсенальная) – окраина Тифлиса, где размещались военные казармы.
15. Записан в 1959 г. в Ереване из уст Слое Уныса. Биографические данные об информаторе в нашем архиве не сохранились. Оригинал хранится в архиве автора.
16. Калани (селение) – недалеко от г.Маку, на турецко-иранской границе. Место пребывания предводителя курдского племени хай-дари.
17. Йарымша (Йарымшах) – букв. : неполный шах, полуправитель.
18. Мирпандж (Мир пандж) – генерал-майор (бригадный).
19. Записан в 1963 г. в Ереване из уст Саргис Бозояна (Барян). С.Бозоян родился в 1901 г. в селении Коз Арчешского р-она (Турция), армянин, неграмотен. Кроме армянского языка, С.Бозоян хорошо владел также курдским, которому научился в раннем детстве Оригинал см.: Ордихане Шэлил. Стране зарготьяна кёрдайэ тарице. Ереван, 1975, с. 306-307.

В.В.Кушев

НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ПИСЬМЕННОСТЬЮ НА ЯЗЫКЕ ПАШТО 17-18 вв.

Язык и литература пашто взаимодействовали с персидским языком (в его разных диалектных формах и формах устного и письменного бытования) и литературой на нем в течение всего того периода, на протяжении которого зафиксированы письменные памятники на афганском языке. Весьма активными были процессы взаимосвязей, в особенности одностороннего влияния языка и литературы фарси и дари, в эпоху общего культурного и литературного подъема в паштунских районах и расцвета письменности на афганском языке в 17-18 столетиях. В это время богатая уже самобытная литература паштунов пополнялась произведениями, переведенными с персидского языка, а также написанными под влиянием персоязычных памятников, в подражание им или с использованием их в качестве источников.

Персидский язык оказывал воздействие на пашто не только извне как язык администрации и литературы с богатыми многовековыми

традициями, но и потому, что персидский-дари был вторым языком – иногда вторым родным языком – многих афганских поэтов. И все они в той или иной мере знали персидскую поэзию, причем широта их литературного кругозора зависела как от культурной среды, в которой они находились, так и, нередко, от того, в каком возрасте они приобщались к персидскому литературному наследию.

Преобладающими в переводах были жанры поэмы, светской и религиозной повести, этико-дидактические труды, исторические хроники, богословские трактаты, то есть достаточно широкий круг тем привлекал внимание афганских читателей из различных слоев паштунского общества.

Самые ранние сочинения на языке пашто, дошедшие до нас в рукописях, – религиозные трактаты 16-го века. Все они в различной степени испытали на себе и в разной форме отразили влияние персоязычной литературы. Так, в обнаруженной в 1926 г. и введенной в научный обиход в 1939 г. рукописи сочинения Баязида Ансари "Хайр ал-байан" начальные разделы текста изложены параллельно на пашто, дари, арабском и пенджаби, а в последующем многочисленные арабские пассажи из Корана, хадисов приводятся с переводом на дари, с пояснениями на пашто, либо изложение ведется чередованием фраз на пашто и арабских и персидских цитат. Найденная в хайдерабадском Музее Саларджанга и описанная недавно еще одна рукопись этого сочинения содержит, видимо, полный текст его, который по меньшей мере в три раза превышает по объему текст первой рукописи; этот текст четырехязычен от начала до конца.

Богословский трактат Ахунда Дарвезы "Махзан ал-ислам" в основном состоит из переводов из персидских и арабских религиозных произведений, а названия всех глав и разделов, а также вступления к отдельным главам даны на персидском языке. То же самое верно в отношении "Фаваид аш-шариат" Ахунда Мухаммад-Касима, "Шарх-и Хуласат ал-ислам" Ахунда Хусайна, которые построены на десятках религиозных сочинений, написанных по-арабски и по-персидски. Ахундом Дарвезой в соавторстве с сыном Абд ал-Каримом написаны на дари работы "Иршад ат-талибин", "Иршад ал-муридин", историко-мемуарное "Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар". На персидском же языке составлено "Хал-нама-и Пир-и Даस्ताгир", посвященное жизни и деятельности Баязида и рошанитству и написанное им самим и его последователем, членом его рода Али-Мухаммадом Мухлисом; лишь в нескольких местах имеются вставки на пашто – стихотворения афганских поэтов Арзани, Дарवेशа, Аба-Бакара, Х^Ваджа-Мухаммада сына Аба-Бакара и других. Кстати, поэт Арзани, последователь и сподвижник Баязида,

писал стихи не только на пашто, но и на дари, арабском, индийском.

В числе религиозной литературы можно отметить переводные тафсиры. В начале 12-го века хиджры Гулям-Мухаммад сын Шерхана Мокахель Гигйани перевел известный тафсир "Ва-э-зуха", получивший распространение в рукописях, затем издававшийся типографским способом. Большой безымянный тафсир хранится по частям в Академии пашто в Пешаваре и в Библиотеке Ризы в Рампуре. Он переведен с персидского о чем автор перевода Афзал-хан Умархель сообщает в нескольких местах рукописи, в частности:

Чэ пәрси пэ пайто жэба Афзал-хән кәр - һам пэ дэ чэ йе вували һар афған. "Афзал-хан переложил с персидского на пашто, с тем чтобы читали все афганцы".

Переводом не установленного пока персидского сочинения является представленное хранящейся в Индии уникальной рукописью житие Мухаммеда, получившее условные названия "Сират ан-наби" и "Сират-и хазрат-и Мухаммад". В заключительных бейтах переводчик называет себя и сообщает о факте перевода с персидского:

пэ пәрси ва иншә шэве - сед Хасан тэр пайто эве "было сочинено по-персидски, сеид Хасан пересказал на пашто", приведена хронограмма - 1121/1709-1710.

Широко представлены в переводах с персидского религиозные предания: один из вариантов распространенного предания о смерти Мухаммеда "Вафат-нама", известное предание о вознесении его "Ми-рад-нама" и о его чудесном свете "Нур-нама", различные "Таваллуднама", многочисленные предания о подвигах Али, его сыновей и соратников, среди этих сочинений можно выделить "Джанг-нама-и имамайн", "Китаб-и Заккум".

Известными афганскими поэтами были выполнены переводы популярных персидских поэм "Хосров и Ширин", "Лейли и Меджнун", "Михр и Муштари", "Юсуф и Зулейха"; "Азра и Вамик" и др. Наибольший интерес у литераторов и читателей вызывали "Юсуф и Зулейха" Джами и "Лейли и Меджнун" Низами, которые были доступны в разных переводах. Распространенный в рукописях перевод поэмы "Юсуф и Зулейха" Абд ал-Кадира Хаттака (1700 г.) выполнен достаточно близко оригиналу. Короткая 8-сложная мисра, придающая живой, легкий ритм поэме, не всегда давала возможность передавать содержание бейта подлинника одним бейтом, отчего многие главы у Кадира длиннее, чем у Джами. Основная, сюжетная часть сохраняет деление на главы подлинника и, в большинстве случаев, их названия. Все разделы поэмы, предшествующие собственно повествованию, не являются пере-

водом: Кадир изменил вводные главы, восхваляющие бога и пророка, ввел маленькие главы, славословящие имамов, посвящение султану Хусейну заменил бейтами, адресованными Аурангзебу, сократил главы о любви, красоте Зулейхи и прочее. Переводчик существенно переработал советы сыну и заключение; многие назидания – иного содержания, чем у Джами, как результат других условий, а также вероятного влияния Газзали. Приведенные ниже бейты иллюстрируют ритмику стиха Абд ал-Кадира:

Йава вראذ андбѣ пре дѣр шу – гам дэ дѣ тэр зрѣ чѣпѣр шу
 швѣ бесѣбра беқарѣра – дѣра швѣ пѣ зрѣ бемѣра
 ва сапрѣ та швѣ равѣна – кэ гам лири кѣ лэ дзѣна
 кѣр лэ гама бѣнде гѣр шу – сапрѣ лѣ вар бѣнде бр шу
 гѣѣ берѣн гѣѣ бѣ дарѣн шва – сѣр тэр пѣѣа гѣрқ пѣ хѣн шва

Впервые имена Лейли и Меджнуна встречаются в диване Мирзы Ансари, внука Баязида. Позднее поэма Низами привлекла внимание многих переводчиков. Известен ранний перевод Хафиза Низама, советника Хушхаль-хана (который сам, кстати, десятки раз упоминает в своих газелях имена героев месневи), но лучшие переложения принадлежат Сикандар-хану Хаттаку (1090/1679) и автору 18-го века Рахмату Дави. Оба эти перевода достаточно вольные. Сикандар прибегает к форме 12-сложного месневи и, по преимуществу, укладывается в число бейтов оригинала, но вводит дополнительные сцены в развитие сюжета, в разъяснение поступков героев; объем поэмы Дави, использующего 8-сложный размер, по числу бейтов превосходит подлинник, порой описания отдельных сцен, событий занимают вдвое, втрое больше места. Например, у Низами

рѣсм-е ‘арѣб ѣст к-ѣз пѣс-е шуѣ – нѣ нѣмайѣд зѣн бе ѣичкѣс руй
 сал-и до бе хане дѣр нешинѣд – у дѣр кѣс кѣс дѣр у нѣ бинѣд
 "Есть обычай у арабов: после смерти мужа никому не показывает женщина лица, года два сидит дома, на других не смотрит, другие на нее".

То же самое место у Дави:

бѣл ѣамдѣ дастур ‘араб – лари ѣасе ранг ‘аджаб
 чѣ ши шѣдза дѣ чѣ квѣнда – ма ‘рика нѣ ши пре пѣнда
 на бѣ дѣ кри мѣх шкѣра – ва бѣл чѣ та дубѣра
 нѣаста дѣ ви пѣ хпѣл кор – пѣ ризѣ ви кѣ пѣ зор
 на бѣ цок дѣ де мѣх гори – на бѣ дѣ чирта вушѣри

"Еще такой удивительный обычай есть у арабов: когда женщина становится вдовой, у нее не собираются гости, она больше никому не показывает лицо, сидит в своем доме с согласия или по принуждению, и никто не видит ее лица, и она никуда не ходит".

Один из самых тонких афганских поэтов, автор изящных и, одновременно, сложных стихов Абд ал-Хамид Моманд перевел с персидского поэмы Мухаммад-Акрама Ганимата "Найранг-и ишк" и Бадр ад-дина Хиляли "Кисса-и шах у гада". Некий Муин ад-дин переложил с персидского "Азра и Вамик" Мухаммад-Хусайна Ширази.

Хорошо известные и любимые афганцами поэты готовили переводы распространенных на дари дастанов и кисса, таких как "Дастан-и Амир Хамза", "Кисса-и Сайф ал-Мулук", "Кисса-и Бахрам у Гуландам".

Богатая традициями этико-дидактическая литература индийцев, персов, арабов также становилась объектом переводческой деятельности паштунских литераторов. Афзал-хан Хаттак перевел "Ийар-и даниш" Абу-л-Фазля (адаптированную версию сочинения Хусайна Ваиза Кашифи "Анвар-и Сухайли"), озаглавив свой перевод "Илмхана дэ даниш". Известны два перевода "Гулистана" Саади. Если поздний перевод Амир-Мухаммада (I227/I8I2) мало чем примечателен, невыразителен, страдает буквализмом, то работа Абд ал-Кадира (I7I2) выполнена высокохудожественно, свободно, но притом с точной передачей идей и содержания, с сохранением и выражением уважения к сказанному Саади:

дэ Са'ди дэ һафиз ғај пэ дрэст джаһан шта
чэ тре пата таснифуна йа диван шта
пэ сабаб дэ дуи машһур мулк дэ Ширэз шу
тэр Ирана тэр Ирака пэ и'зас шу

"Голос Саади и Хафиза звучит во всем мире,
Сохранились их таснифы, их диваны,
Благодаря им славным стало Ширазское царство,
Почитаемым в Иране и Ираке".

Отдельные места из "Гулистана", "Бустана" и дивана Саади переводились и раньше. Внук Дарвезы Абд ал-Халим в дополнениях к "Махзан ал-ислам" помещает перевод газели в семь бейтов вместе с подлинным текстом; ее начало:

ан ра ке джай нист джомле-йе джаһан джа-йе у-ст
дарвиш һар коджа ке шаб амэд сара-йе у-ст

"У кого нет своего пристанища, тому приют - весь мир,
Где застигнет дервиша ночь, там его каравансарай".

чэ дзай не лари танһа ви да кулли джаһан йе дзай дэй
пэ һар дзай чэ ша пре рагла һага дзай дэдэ сарай дэй

"Если нет у него пристанища и одинок он, весь этот мир ему приют,
Везде, где настигла его ночь, там его каравансарай".

Особенно обильно использованы произведения Саади Хушхаль-ханом, его сыновьями Ашрафом, Кадиром и другими. Несколько примеров:

Саади, гл. Уш "Гулистана:

элм чандан ке биштәр хани - чун амал дәр то нист надан-и
нә моһаггеҭ бовад нә данешманд - чарпа-йи бәр у кетаб-и чанд
"Сколько бы ты ни изучал науку, но если нет у тебя практики, ты невежда; не исследователь и не ученый, а четвероногое, нагруженное несколькими книгами".

В переложении Ашраф-хана Хиджри:

бе амала илэм цэ дэй кэ побже
лэка бәр дэ саһифо һамил йе хар кри

"Понимаешь ли, что такое наука без практики? Подобна ноше книг, которыми нагружают осла".

Поскольку некоторые из сыновей Хушхали поступали недостойно по отношению к отцу, вплоть до свершения прямого предательства, он в нескольких своих произведениях повторяет заимствованный у Саади мотив, соответствующий его состоянию и настроению. Саади написал в "Гулистане":

зәнан-е бардар эй мәрд-е һойар - агәр вәхт-е веладаҭ мар зайән:
з-ан белтәр бе нәздик-е херәдманд - ке фәрзәндан-е наһамвар зайән:
"Если беременные женщины, о мудрый человек, во время родов производят змей, то, по мнению умных людей, это лучше, чем родить недостойных детей".

И в "Бустане":

агәр мар зайәд зән-е бардар - бел аз адәмизаде-йе дивсар
"Если змею родит беременная, лучше, чем человека подобного диву".

В одном из стихотворений Хушхали это передано таким образом:
ше кэ вузежи лэ даке шәдзе мәр - назовели дзини дзоя наһамвар
"Лучше, если у беременной женщины родится змея, но да не родит она недостойных сыновей".

И в переводе Абд ал-Кадира:

бардара шәдза кэ дзини мәр зежи - ше ди че зоя дзини бадкәр зежи
дзән та балә ши мор-пләр та ҫам дэй - зой мавузежа наһамвар зежи
"Если у беременной женщины родится змея, это лучше, чем у нее родится сын-злодей. Самой беда, родителям горе. Пусть лучше не родится сын, чем родится недостойный".

Прозаическое сочинение Хушхаль-хана "Дастар-нама" - это "зерцало", отражающее мировоззрение просвещенного феодала, ценнейший источник по истории культурной жизни афганского общества. В нем ощущается влияние персидских "книг назиданий и советов". Автор включил в него свыше пятидесяти цитат из "Гулистана". Важно отметить, что оно написано в 1076/1665-66 г. в тюрьме крепости Ран-

тхамбор, где доступ к источникам был по меньшей мере ограничен.

В произведениях Хушхаль-хана вообще постоянно прослеживаются связи с персидской литературой, и сам он порой отмечает ее роль в его творчестве, а тем самым и ее значение для развития литературы на пашто в целом:

пārси ше'р ме зда, салиқа ларэм дэ вāро,
пашто ше'р ме хваш шу, һар цок хпэл гаһи шāгэли,
пэ вазэн, пэ мазмун пэ назāкат һам пэ ташбиһ кше,
пашто вайэл ме айн тэр пārсэй ди расавэли

"Я познал и персидскую поэзию, ощущаю ее вкус, понравились же мне паштунские стихи, каждому нравится свое. Размером, содержанием, изяществом, образностью я довел сложение стихов на пашто до [уровня] персидских".

пэ тāза тāза мазмун дэ пашто ше'р
пэ ма'нā ме дэ Ширāз ав дэ Ходжанд кэб

"Наисвежейшим содержанием паштунского стиха я сделал его по смыслу подобным ширазскому и ходжентскому".

Этот последний бейт – свидетельство того, что Хушхаль знал творчество и иранских, и среднеазиатских поэтов. Он был знаком и с более ранними произведениями, например, Ханзале Бадгиси, Фердоуси, Асади Туси, чему подтверждением могут служить такие его бейты:

кэ āсмāн де дэ мзари пэ хла кше варкā
дэ мзари пэ хла кше ма прежда һиммат

"Если небо отдает тебя в пасть льва, то и в пасти льва не лишайся доблести". Ср. у Бадгиси:

мейтāри гār бе кам-е шир дār āст
шоу хātār кон зе кам-е шир беджуй
йа бозорги о эзз о не'мāt о джай
йа чо мārданāt мārг руй-йа-руй

"Если величие лежит в пасти льва, ступай, рискуй, ищи в пасти льва. Либо главенство, почет, богатство и сан, либо подобно твоим храбрецам – со смертью лицом к лицу".

или о Фердоуси:

кэ лэ һаджве лэ гандэне дарта вāйэм
Фирдавси ме пэ дā кār кше нэ дэй сйāl
Фирдавси лари цо байта лэ Маһмуда
дзэ ларэм дэ Аврангзеб дэ замм джувāl

"Коль сказать вам о сатире, об охаивании, то Фердоуси не соперник мне: у Фердоуси несколько бейтов о Махмуде, а у меня мешок брани против Аурангзеба".

Касыда Хушхаля "Диспут Дней и Ночей" (пуджат дэ врадэо шпо) представляет собой сокращение (21 бейт вместо 36) "Муназира-и шаб у руз" Асади Туси. Любопытно, что поэт, сохраняя аргументы спорящих, связанные с религией (молитвой, постом, преданиями о Моисее, Лоте и др.), отказался от изложения доводов астрономического календарного значения и некоторых других, по-видимому, исходя из воззрений, подготовленности, понимания паштунского читателя и слушателя. От себя он добавил только один бейт, связанный с охотой и созерцанием цветников, темами, близкими ему и характерными для его поэзии:

чэ сайр дэ гулуно дэ гулзар ка йа цок шкар ка
паго вата пэ кат'а нэ да шпа лэ врадэе сама

"Тому, кто лобуется цветами садов или охотится, ночь не подходит так, как день".

В куллияте Хушхаля имеются персидские рубаи и газели (с тахаллусами Хушхаль и Рохи), кроме него стихи на дари писали и другие поэты хаттакской школы: Ашраф Хиджри, Казим Шайда, Камгар, а также Абд ар-Рахман Моманд и другие. Некоторые поэты имели диваны и на пашто, и на дари, один из них - Али-Акбар Оракзай, уникальная рукопись его произведений хранится в Матенадаране.

Существуют в диванах и смешанные, своего рода макаронические стихи: пашто-персидские, пашто-персидско-арабские, как, например, в диване Абд ал-Кадира "Хадика-и Хатак":

зрэ ме һар гора ву лэ һиджрана афгәр
шукр һәкк-ра ки баз амәд йар
сарва сар куз лэ инфи'ала кәнди
чун хирамәд ба су-и баг нигар
цок ба ләла дэ йәр дэ мэх кә мухай
ан сийәвдидил куджа в-ан рухсар?

"Как ни изранено мое сердце в разлуке, (пашто)
благодарение богу, что вернулся друг. (дари)
Кирарис в смущении склоняет голову, (пашто)
когда красавица шествует в сад. (дари)
Кто сравнит тюльпан с лицом друга? (пашто)
Где тот черносердый и где ланиты?" (дари)

бийә пэ мэх вунив дилрубә йе ниқәб
ифтаһ йә муфаттиһ ал-абвәб
гул шикүфтә шу пә һәр лор дэ бәһәр
ас-сабуһ ас-сабуһ йә аһбәб
рез сақи май бақи дәр джам
рә бә банг-и дәф у най чәнг у рубаб

"Снова красавица накинула покрывало на лицо. (пашто)
 Открой его, о открывающий врата! (арабский)
 Повсюду раскрылись весенние цветы, (пашто)
 Опохмелимся, опохмелимся, друзья. (арабский)
 Наливай, виночерпий, вино остается в кубке, (дари)
 давай (пашто), под звуки бубна и свирели, чанга и рубаб".
 (дари)

Переводные исторические труды имели ту особенность, что переводчики одновременно выступали в качестве авторов, дополняя подлинник не только сведениями, относящимися к описываемому автором оригинала периоду, но и изложением более поздних событий. Дополненные и измененные таким образом хроники иногда снова перелагались на дари. К примеру, в "Тарих-и мурасса" Афзаль Хаттак выступает и как переводчик, и как самостоятельный автор. Этот труд заключает в себе перевод персидского сочинения Хваджи Ниматаллаха ал-Харави "Махзан-и афгани" (1611), которое является сокращением его другой, более подробной работы "Тарих-и ханджахани ва махзан-и афгани", а также разделы, написанные самим Афзаль-ханом. Они посвящены миграциям племен хаши, преимущественно горйахелю, юсуфзаям, хаттакам. Афзаль описывает некоторые события как и их свидетель и участник, а кроме того использует в качестве источников, дополнительно к источникам Ниматаллаха, "Тазкират" Дарвезы, "Джахангир-нама".

Еще один труд на пашто по истории племен горйахеля, главным образом юсуфзаев, подвергался обработкам и переводился. Эта работа - "Таварих-и рахматхани" - выполненная Пир-Муаззам-шахом, представляет собой сокращение написанного на пашто и дари сочинения "Тарих-и афагина", которое приписывается Мирдаду Мутизаю Халилу. "Таварих-и рахматхани" было составлено для вождя паштунов-рохиллов Хафиз Рахмат-хана (уб. 1774) и для него же оно было переведено на персидский язык в 1767 г. под тем же названием. Позднее, в 1814 г. оно еще раз было переведено с пашто на дари Илахйар-ханом, сыном Рахмат-хана, поскольку он не смог найти персидский оригинал, т.е. "Тарих-и афагина", и озаглавлено им "Хуласат ал-а'джаб".

Если цели и причины широкой переводческой деятельности с персидского на пашто не нуждаются в объяснении, то непосредственные поводы в каждом отдельном случае могли быть разными, и переводчики часто сообщали о них читателям. Многие работы были выполнены по заказам и просьбам друзей, братьев по суфийскому ордену, в дар уважаемым людям. Нередко такая работа была связана с желанием отвлечься после перенесенной утраты, смерти близкого родственника,

других горестных событий. Во многих случаях указывается, что то или иное сочинение на персидском языке составлялось разными авторами, а паштоязычному читателю оно не было известно.

Как можно видеть, влияние персидской литературы на афганскую было многогранным и являлось результатом свободного выбора со стороны паштунских деятелей культуры, которые видели в этом один из путей обогащения собственного духовного наследия. Естественно, что при этом происходил процесс распространения персоязычной письменной культуры. Произведения, переведенные с персидского и дари, составляют заметный пласт в афганской письменности I7-I8 веков. Их наличие, их содержание отражают духовные интересы и запросы паштунского общества того времени, являют собой пример взаимодействия двух литератур.

С.Л.Невелева

О КАРТИНЕ МИРА В МАХАБХАРАТЕ

Изложению темы необходимо предпослать несколько предварительных замечаний.

Эпос по природе своей конфликтен, - такова типологическая черта его содержания, - и уже одно это обстоятельство позволяет допустить конфликтную заостренность цели, с которой излагается в Махабхарате (далее - Мбх.) учение о мире. Иными словами, за эпическими описаниями устройства мироздания стоит не только утверждение неких мировоззренческих истин, но имплицитная установка на диалог, на полемику, направленность изложения на оппонента. Для понимания того, кому принадлежит "авторство" эпического учения и кто подразумевается в качестве его оппонента, особо важны эсхатологические контексты, которые содержат описания последнего из мировых периодов - Калиюги, завершающегося гибелью вселенной. Следует обратить внимание на то, что именно, какие изменения в жизни общества здесь безусловно порицаются: это отступления от жертвенного ритуала, отрицание богов и, главное, покушение на авторитет священных Вед. Причиной надвигающейся мировой катастрофы выступает не просто моральная деградация человечества, но попрание всех тех социальных ценностей, которые включает в себя понятие *varṇāśrama-dharma*. *Varṇāśrama-dharma*, т.е. сословно-возрастные обязанности членов общества, составляет ядро религиозного учения Мбх. На неукоснительном соблюдении этих обязанностей и настаивает брах-